

Ант Скаландис

Вторая попытка

«Автор»

1996

Скаландис А.

Вторая попытка / А. Скаландис — «Автор», 1996

© Скаландис А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	5
1	7
2	13
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ант СКАЛАНДИС ВТОРАЯ ПОПЫТКА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Так уж вышло, что я поздно познакомился с творчеством Стругацких. Я был уже в десятом классе, когда мне впервые попала в руки книга этих авторов – «Полдень. XXII век» и «Малыш» под одной обложкой. А может быть, и не поздно, может быть, в самый раз?

«Малыш» оказался не совсем понятной, но завораживающей, потрясающе красивой, поэтической сказкой, в которую я влюбился раз и навсегда. Несколько лет спустя, не в силах расстаться с этой повестью, я решил выучить ее наизусть, уезжая на два месяца в стройотряд. Времени и сил хватило на первые три главы, но думаю, что и сегодня я могу, что называется, с похмелья и спросонья выдать наизусть начало этой книги – страницы две, как минимум.

А вот «Полдень» стал для меня сразу законченным образом того мира, который хотелось строить и в которой хотелось жить. Я, как и многие тогда, еще верил в коммунизм (шел 1976 год), и как прекрасно, что у меня была возможность верить в коммунизм по Стругацким. Честно говоря, я в него до сих пор верю, несмотря на все перестройки и путчи, и, скажу вам по секрету, не вижу никакой разницы между коммунизмом Стругацких и «коммунизмом» Азимова, Кларка или Саймака. Просто они этого одиозного слова не употребляют – вот и вся разница.

Ну а потом был седьмой том «БСФ» – «Трудно быть богом» – поразительный взлет героической романтики и сатиры, философии и тонкой лирики; и «Понедельник» – абсолютно новый для меня жанр, открывший одновременно окошко в прошлое – в ностальгически идеализируемые мною шестидесятые годы; и – окошко в будущее – в конкретное, мое, личное будущее, в весьма счастливый период работы в двух «совковых» НИИ, а также в абстрактное счастливое будущее абстрактного человека, у которого понедельник начинается в субботу.

Ну а потом, как говорится, началось. Началась охота за всеми вещами Стругацких, и жадное многократное чтение, и перепечатка на машинке, и снятие фотокопий, и ксерокс, и покупка книг на Кузнецком за сумасшедшие деньги. В нашем институте фактически существовал неофициальный клуб поклонников Стругацких, так же как и я сходящих с ума по всему написанному ими. Да, мы были не слишком оригинальны, но мы же ничего не знали тогда об уже зарождавшихся фэн-клубах и будущих конвенциях. Мы просто читали Стругацких.

Выделю еще лишь три повести, вошедшие в мою жизнь в те годы: «Пикник», вдруг перевернувший, поставивший с ног на голову все мое пижонское, диалектически парадоксальное, почти манихейское мировоззрение, заставивший враз поверить в счастье для всех и *даром*, «Миллиард», потрясший своей чисто литературной силищей, глобальностью философского замаха и – тогда еще не дошедшей, но воспринятой на уровне ощущения – жгучей актуальностью; «Жук» – по-настоящему испугавший, повергший в тоску и метафизический ужас перед силами, злом и жестокими законами реальной жизни.

А потом наконец свершилось.

Первый раз повесть «Гадкие лебеди» я прочел в 1980 году. Кажется, к тому моменту я познакомился уже со всеми вышедшими вещами Стругацких. А «Лебеди» были самой запрещенной, самой труднодоступной, самой скандальной книгой. О ней ходило много всяких слухов. О публикации в «Звезде Востока» и перечислении гонорара пострадавшему от землетрясения Ташкенту, об изъятии тиража этого журнала, о несогласованной с авторами переправке через границу рукописи и бесчисленных изданиях во всех «Посевах» и «Чехов паблишерз», о том, как Аркадия Натановича вызывали на Лубянку (или Бориса Натановича в Большой дом)

и спрашивали: «Ну, как там ваши птички?» А на черном рынке зарубежное издание «Гадких лебедей» на русском языке стоило 250 (!) рублей. Переведите в современные цены – какая книга сегодня может стоить два с половиной миллиона?

В общем, когда в перерыве между лекциями я сел в скверике на Миусской и открыл наконец-то попавших мне в руки «Лебедей», ожидания были велики. И это оказался тот случай, когда книга не обманула ожиданий. Я до сих пор считаю ее лучшей у Стругацких. А тогда... Ни на какие лекции я уже, конечно, не попал, потому что просто не смог подняться со скамейки, не перелистнув последнюю страницу. А страница была большая. Из почти папиросной бумаги. Пятый экземпляр на машинке, перепечатанный хорошо если не в десятый раз. Можно себе представить, сколько там было опечаток, ошибок и даже пропусков.

А позднее – это было уже в 82-м – мне дали на неделю какой-то четвертый ксерокс с парижского, как уверяли, издания (титульный лист отсутствовал). Многие места читались по этому тексту с трудом, но все-таки это было издание, вычитанное профессиональным редактором и корректором. В общем, я взялся править свой экземпляр. Это была долгая, трудная и приятная работа. Я воссоздавал любимую книгу, как реставратор. Я открывал для себя новые, ранее не читанные слова, фразы, а иногда целые абзацы и даже страницы. А в некоторых местах провалы ксерокса трагически совпадали с пропусками перепечатки, и тогда мне что-то приходилось додумывать, достраивать, дописывать самому. Так что к концу работы мне уже начало казаться, что я сам написал эту книгу, – этакая мания величия.

И конечно, сколько раз я ни перечитывал эту повесть, мне всегда ее не хватало: хотелось еще, хотелось дальше, дальше, дальше... Кто бы написал? Самому, что ли, написать? Смешно...

Мог ли я подумать тогда, что тринадцать лет спустя действительно буду сочинять продолжение «Гадких лебедей» – не просто сочинять – серьезно работать для публикации в этой (!) стране, да еще по заказу? Дурдом!

И, знаете, мне было очень легко работать над этой вещью. Ведь мое (да не только мое – целого поколения!) творчество выросло на книгах Стругацких, и с самого начала профессиональной литературной работы я старательно, последовательно и не без труда (ох, не без труда!) давил в себе естественное стремление подражать стилю Стругацких. Господи! Как приятно было расслабиться на этот раз!

Вот почему я не мог не написать эту повесть. Вот почему, собственно, я написал *именно эту*.

И как же жаль, что нет уже Аркадия Натановича. И как же хорошо, что по-прежнему с нами Борис Натанович.

1

Вдоль потрескавшегося, запорошенного пылью бордюрного камня четко виднелась вереница маленьких следов на размякшем асфальте – круглые дырочки от каблучков-шпилек примерно через каждые полметра и практически на одной линии. Дырочки были неглубокие.

«Удивительно красивая походка, – подумал Виктор. – Так ходят канатоходцы и манекенщицы. Идет как пишет. – И тут же вспомнилось лишнее. Из классики: – А пишет как Лева. А Лева...»

Виктор отогнал эту ассоциацию и представил себе, как шла по улице эта легкая, изящная, нездешней красоты девушка. Белое, да, обязательно белое, очень короткое и совершенно воздушное платье, сильные загорелые ноги, руки тонкие, невесомые, как крылья, высокая девичья грудь, черные локоны по плечам, брови вразлет и огромные синие глаза. Она шла улыбаясь, победительно глядя перед собой и поверх этой улицы, поверх чахлах деревьев и кособоких выцветших ларьков, поверх всех мужчин, против воли оглядывающихся на нее, и их жен, грубо отворачивающих ладонями лица своих благоверных со словами: «И ты туда же, старый козел, – на девочек потянуло!»

Виктор автоматически, не думая, пошел вдоль цепочки чарующих следов и свернул с проспекта Свободы в переулок, где уже не было ни полусдохших лип, ни пыльных киосков, а сквозь асфальт тротуара нагло пролезала настоящая верблюжья колючка. Здесь было совсем тихо. Молчаливые двухэтажки и пустая выжженная солнцем дорога, насколько хватал глаз. Лишь в самом далеке, где этот переулок с издевательским названием «улица Прохладная» сбегал вниз, к бывшей набережной, что-то шевелилось, но было не разобрать, люди это, машина или лошадь, а может быть, просто колыхнется раскаленное марево.

Народу на улицах в такой час вообще попадалось не много. Три пополудни. Сиеста.

Господи, подумал Виктор, кто в этом городе вообще слышал такое слово – сиеста! – в те времена, когда перед самой войной он проходил здесь службу. В самоволку они бегали с ребятами купаться на реку, переплывали без малого полкилометра и подкарауливали на том берегу деревенских девок, купавшихся без одежды, таскали с грядок огурцы, яблоки из садов – садов было полно прямо в городе; мерзли холодными августовскими ночами, если случалось оказаться в карауле. Их часть стояла неподалеку от Лагеря бедуинов на высоком берегу реки. Бедуины мерзли еще сильнее, кутались в свои синие балахоны, жгли костры. Поговаривали, что никакие они на самом деле не бедуины. Ну помилюйте, какие в нашей средней полосе бедуины? Говорили, что это просто цыгане, только мусульманской веры. Другие утверждали, что это депортированные чеченцы. Были еще какие-то предположения относительно национальности беженцев, но весь город все равно называл их бедуинами. А потом грянула война. Часть, где служил Виктор, бросили на фронт, и никогда больше он не попадала этот город, да и что в нем было делать? А вот теперь занесло.

– Здравствуйте, господин Банев, – отвлек его от воспоминаний незнакомый вежливый голос.

Виктор поднял глаза от дырочек на асфальте и увидел идущего навстречу бедуина, заросшего до глаз черной бородой и угрюмо смотрящего из-под синего своего капюшона.

– Здравствуйте, – так же вежливо ответил Виктор, недоумевая, с чего это незнакомый человек решил здороваться.

Давно прошли те времена, когда его узнавали на улице как модного писателя, часто мелькавшего на телевидении.

Ох, не к добру это все, мелькнуло в голове, ох, не к добру. И стало как-то по-особенному жарко и душно, хотя, казалось бы, уже пора привыкнуть к тридцати двум в тени и неподвижному воздуху.

Именно здесь, на Прохладной, находился рестораник «У Тэдди». Виктор не планировал заходить туда так рано, но теперь понял, что настало время пропустить хоть один стаканчик сухого «мартини» со льдом и лимонным соком или... А как же следы? Ну что за мальчишество, право? И все-таки сначала стаканчик, потом дальше по следам.

Он представил себе полумрак ресторанный залы (да, именно *залы*, а не зала), приглушенную музыку, вентиляторы над столами (или уже починили кондиционеры?) и высокий, узкий, запотевший бокал с мутноватой чуть желтой жидкостью, в которой плавают хрустально блестящие кубики. Он даже чуть было не ускорил шаг, забыв, что от этого сразу лоб покрывается испариной, а рубашка прилипает к спине.

Волшебные следы на асфальте свернули точно к дверям ресторана. Виктор пригляделся. Второго, обратного ряда ямочек нигде видно не было. Едва ли она ушла босиком. Вот это сюрприз!

– Жарко сегодня, – традиционно полуспросил-полусообщил старик-швейцар, словно за последние два года здесь хоть один день было не жарко.

А когда глаза привыкли к полутьме, он сразу увидел ее. У тонких каблучков чистых как снег босоножек кончики были выпачканы асфальтом, а вместо белого платья она надела линялые джинсовые шорты с бахромой и лимонно-желтую яркую рубашку, кажется мужскую, завязанную узлом на животе. В остальном Виктор все угадал. Девушка, лет семнадцати от роду, была само совершенство. Она сидела на высоком табурете, чуть покачивая сильными загорелыми ногами, и, изящно отбросив со лба черную прядь тонкими пальцами пианистки, с любопытством уставила на вошедшего Виктора свои огромные – нет, не синие (еще одна ошибка!) – зеленые, ярко-зеленые глаза, зеленее, чем замороженный «дайкири» в высоком бокале перед ней.

И вдруг пропали все звуки ресторана, а тяжелый сумрак стал растворяться в розовато-золотистом тумане, как это бывает в лесу на восходе, и тишина наполнилась нежным шелестом деревьев, птичьими трелями, тихими звуками падающих капель росы, и среди этой зелени и свежести не было никого, только она, и губы ее шептали, и было не слышно что, но было же ясно, ясно... И Виктор пошел ей навстречу, как лунатик, и зацепился за чье-то кресло и чуть не упал. Мир вернулся в свое обычное состояние.

По какому-то наитию, быть может с подачи только что встреченного бедуина, он кивнул девушке как давней хорошей знакомой, и она, обворожительно улыбнувшись, сказала:

– Здравствуйте.

И, к счастью, не добавила «господин Банев» – это бы его сейчас не порадовало.

– Привет, Виктор, – сказал Тэдди. – Тебе как всегда?

– Привет, Тэдди. И, пожалуйста, тарелочку свекольника. Можно тоже со льдом.

– Разумеется!

Кажется, Тэдди теперь уже ничего не подавал безо льда. Появились какие-то немыслимые блюда типа замороженного плова и яичницы под снегом, а также сугубо сухопутный напиток – ледяной грог, то бишь охлажденный разбавленный ром с сахаром.

Виктор зажмурился, не в силах просто отвернуться от девушки, и наконец посмотрела зал. За обычным столиком уже сидела обычная компания. И увидев Рема Квадригу, доктора гонорис кауза в белой рубашке и ярко-красном шейном платке, он вдруг понял, почему сегодня все собрались тут в несусветную рань. Праздник же. День Независимости. Но у нас не Америка, где Четвертое июля не заметить никак нельзя, у нас про этот новый праздник мало кто помнит, особенно среди такой публики: одни совсем не работают, другие работают странно, в общем, понятие выходного дня для всех стало относительным.

В кресле у окна грузно расплылся Голем со стаканом пива. Слева от него Квадрига пялился уже мутными глазами в полупустую, но еще потную бутылку рома. Заказывать ром бутылками было глупо, он слишком быстро нагревался даже здесь, но доктор не мог изме-

нить своим привычкам. А вот справа от Голема сидел подтянутый нестарый человек с военной выправкой, но одетый в спортивные брюки и тенниску. Молодой генерал на отдыхе. Ну, может быть, не генерал, но уж полковник точно.

– Познакомьтесь, Виктор, это губернский инспектор по делам национальностей господин Думбель.

– Антон, – представился Думбель, чуть подавшись вперед в кресле.

– А что, Антон, – поинтересовался Виктор, глядя на два принесенных ему стаканчика и выбирая между ледяным финским «минтту» и итальянским сухим «мартини», – какие-то национальности в нашей стране уже требуют инспектирования?

– Удивительная неосведомленность для писателя! – хмыкнул Антон. – Национальный вопрос всегда был у нас самым важным, я бы сказал, болезненным вопросом, а сегодня, когда все так накалилось... Вы что, в самом деле газет не читаете?

– Я же вам объяснял, Антон, – сказал Голем, – писатели – народ удивительно необразованный и ничем не интересующийся, кроме собственной персоны.

– Ну, уж это вы слишком, – обиделся Виктор.

– Кстати, о писателях, – сказал Думбель. – Дайте почитать вашу последнюю книгу.

– Какую именно? – Виктор решил проверить новоявленного поклонника.

– «Черный рассвет», разумеется.

– О! А что, остальные мои книги вы уже все прочли?

– Практически все, – ответил Думбель серьезно.

– Но у меня нет с собой «Черного рассвета», – немного растерялся Виктор. – Я попрошу, чтобы мне прислали для вас.

– Саксаулы, – проворчал Квадрига. – Вараны. И раскаленный песок.

– Вот что, Голем, – Виктор повернулся вполоборота в кресле, чтобы видеть зеленоглазую девушку, – вы же все и всех знаете. Расскажите мне, кто эта прекрасная юная леди за стойкой бара. Лучше бы, в самом деле, с ней меня познакомили, чем с каким-то инспектором по делам лиц юго-восточной национальности.

– Экий вы, право, неприветливый! – буркнул Антон и тоже поглядел на девушку.

А к юной леди в этот момент подошел юный джентльмен в форме цвета сафари с кобурой на боку, и они начали мило чиркать.

– Так это же Селена, – сообщил Голем, – дочка нового губернатора. А с нею рядом Фарим – председатель СВПВ, Совета ветеранов Последней войны.

– Того, кто с нею рядом, я предпочел бы не видеть, – заметил Виктор.

– Вот видите, какой вы! – подначил Голем. – Это же нетерпимость. А не хотите признавать национальных проблем.

– Не хочу. Национальные проблемы специально придумывают для того, чтобы потом списать на них все: от стихийных бедствий и венерических болезней до бездарности правительства. И потом, кто вам сказал, что я не люблю этого молодого человека за его национальность или за его принадлежность к Совету ветеранов. Я просто не люблю всех молодых людей, стоящих рядом с такими милыми девушками.

– Седина в бороду – бес в ребро, – прокомментировал Антон.

– Так точно, господин...

– Капитан, – подсказал Думбель.

«Неужели?» – подумал Виктор. А впрочем, в известных ведомствах быть капитаном – немалая честь, да и зарплата там у капитана, думается, приличная. А ведь ты похож на человека *оттуда*, похож, Антон Думбель.

Потом он подумал о другом. «Седина в бороду...» Он давно уже перестал понимать, сколько ему лет. На здоровье не жаловался, и любовницы на него не жаловались, он был в отличной форме, но... совершенно взрослая, уже слишком взрослая Ирма, и двое внуков, и

столько всего позади... Однако это прошлое было теперь словно в дымке, словно и не с ним это было, просто он все сочинил, а сегодня начал с нуля, сел к столу перед чистым листом бумаги и начал...

Потягивая холодный «мартини», он непроизвольно расправил плечи, как, бывало, много лет назад в этом же городе, стоя на плацу, много лет назад, когда на стрельбах было еще интересно и романтично держать в руках автоматическую винтовку, потому что тогда еще никого не надо было из этой винтовки убивать... И он вдруг почувствовал себя ужасным стариком – старше согбенного Квадриги и располневшего, тучного Голема.

Лихой юноша Фарим неожиданно распрощался с дочкой губернатора, и Голем окликнул ее:

– Селена! Идите к нам. Или вы предпочитаете компанию Тэдди?

Тэдди, довольный, улыбнулся, а Селена приняла приглашение и, забрав свой бокал с тростинкой, под села к столу прямо напротив Виктора.

Квадрига галантно поцеловал ей ручку и немедленно представился:

– Доктор гонорис кауза Рем Квадрига. Вы согласитесь позировать мне, мисс?

– Я подумаю, – ответила Селена очень просто и мило.

– Вы бы для начала поинтересовались, в одежде или без, – с армейской прямоотой посоветовал Антон.

– Это неважно, – так же просто и небрежно откликнулась девушка.

– Вам заказать еще «дайкири»? – предложил Виктор.

– Да, – сказала она ему, словно они уже час сидели тут вместе. – И учтите: сегодня я пью только «дайкири». Я вообще, *как правило*, пью только замороженный «дайкири».

– Это прекрасно, Селена, просто замечательно! – заявил Виктор, чувствуя, как начинает пьянеть, и радуясь этому. – «Дайкири» для юной леди и двойную ментоловой для меня. А вот скажите, Селена, мы тут с господином инспектором несколько по-разному смотрим на национальный вопрос. Как вы относитесь к этой проблеме?

– Что именно вам хотелось бы узнать? – улыбнулась Селена.

– Голем, объясните, у вас это лучше получается.

– Отчего же лучше?

– Оттого, что вы – коммунист, а коммунисты давно решили национальный вопрос, создав новую общность людей – советский народ.

– Вы забываете, Виктуар, что я не просто коммунист, – решил откреститься Голем от советского народа. – Я – коммунист с человеческим лицом.

– Зюгановец, что ли? – робко поинтересовался Антон, но не был услышан и задал другой вопрос: – А бывает фашизм с человеческим лицом?

– Думаю, что нет, – серьезно ответила Селена. И вдруг добавила: – Зато бывает фашизм с лицом бедуина.

За столиком стало невероятно тихо. Не хватало только мухи, которой в таких случаях полагается пролететь.

Потом Квадрига сказал:

– Барханы. Суховей. Пробковые шлемы. И кипятилок в кофухе пулемета. Сделалось еще тише. Антон едва заметно повернул голову и быстро поводил глазами из стороны в сторону.

За столик в углу усаживались двое – постоянные посетители ресторана «У Тэдди», – долговязый, которого Виктор окрестил профессионалом, и его спутник – молодой человек в сильных очках и с неизменным портфелем.

– Ты абсолютно уверена в этом? – спросил Голем незнакомым Виктору вкрадчивым голосом. И глаза у него при этом стали какие-то странные, мутные, словно он вдруг начал засыпать.

– Да! – с вызовом ответила Селена.

Она была ужасно красивой в этот момент, и Виктор совершенно не представлял себе, как ему надо реагировать.

– Уволю, – прошипел Голем.

– Ну и ладно, пойду к папаше в департамент, – отпарировала Селена.

– Не пойдешь, – сказал Голем. – Ты там помрешь от скуки.

– И то верно, – миролюбиво согласилась Селена.

Инцидент, кажется, был исчерпан.

И вдруг Квадрига спросил совершенно трезвым голосом:

– А разрешите поинтересоваться, господа, почему это Лагерь бедуинов охраняют подразделения президентской гвардии?

Снова над столиком повисла тишина, а потом всезнающий Голем сообщил:

– Потому что национальный вопрос в нашей стране всегда был самым важным.

– Для справки, – доверительно шепнул Думбель Виктору, нарочито не реагируя на реплику Голема, – Лагерь бедуинов охраняют не подразделения президентской гвардии, а спецподразделения самообороны бедуинов.

– Правда? – Виктор удивленно поднял брови и налил себе почему-то рому из бутылки доктора гонорис кауза. – У них уже есть подразделения самообороны?

– О, дорогой мой необразованный писатель, у них еще, много чего есть, о чем мы с вами и не догадываемся.

Виктор вдруг вспомнил: бедуины всегда считались выдумщиками. Они точно предсказывали погоду, на территории Лагеря выращивали всякие странные овощи и грецкий орех (кто бы поверил, но на городском рынке орехи были дешевле, чем в южных провинциях), показывали удивительные карточные фокусы, а игрой на флейте усыпляли крыс, после чего мальчишки таскали животных за голые хвосты и бросали в реку. Может быть, крысы и просыпались, но уже под водой. Ходили слухи, что они и с людьми могут так же. Бедуинов побаивались. Но ненависти к ним никогда раньше не было. А вот теперь ненависть налицо. И у этого лощеного подозрительного Антона, и у очаровательной Селены. Виктор просто отказывался понимать, что происходит. Он выпил еще рюмку ментоловой и спросил:

– А что, Голем, бедуины действительно больные люди?

– Физически – нет, конечно.

– Бросьте, Голем, вы же психиатр, и я не о физических болезнях вас спрашиваю.

Голем опрокинул рюмку коньяку, несмотря на изрядное количество выпитого до этого пива, и сказал:

– Видите ли, Виктуар, о том, что такое психическое заболевание, современная наука имеет очень слабое представление. Совершенно не исключено, что это мы все больны, а бедуины абсолютно здоровы.

– Простите, доктор, но это же старо как мир, – отмахнулся Антон, – мне просто скучно вас слушать.

– А мне скучно слушать вас всех, – вдруг жарко зашептала на ухо Виктору Селена. – Пойдемте отсюда, а!

– Куда? – также шепотом поинтересовался Виктор.

– Какая разница – куда. Я давно хотела с вами поговорить.

– Хорошо, милая. Сейчас пойдем. Подождете минутку?

«Вот это да, – думал Виктор, вставая и подходя к стойке, – вот это да!»

– Тэдди, сделай мне «мартини» со льдом в термосе. И джину – в маленьком плоском. Ладно? Я возьму с собой.

– Господин Банев, у меня для вас всегда готово заранее. Возьмите.

Он попрощался со всеми кивком, демонстративно взял Селену под руку и, выходя из ресторана, еще услышал, как Квадрига вещал за столиком:

– Скорпионы. Кактусы. «Стингер» на плече. И песчаные бури.

2

Было такое ощущение, что на улице стало еще жарче. Селена взяла невероятно высокий темп, и Виктор мгновенно взмок.

– Мы куда-то торопимся? – поинтересовался он.

– Да, – откровенно призналась девушка. – На самом деле я бы очень хотела быть на центральной площади ровно в пять.

– А-а-а, – протянул Виктор.

Очень мило, если эта хитрая девчонка назначила на пять часов свидание, а меня решила использовать в качестве провожатого (в сиесту, говорят, небезопасно ходить по городу одной) или, того веселее, если она станет давить на психику своего хахалы: «Видал, какие люди со мной ходят. Сам писатель Банев! Не читал, что ли, темнота?!»

На углу проспекта Свободы и улицы Новых гуманистов (бывшей Патриотической) стоял огромный туравтобус, и в него грузились загорелые мордovorоты из прославленной команды ватерполистов «Речные волки». В городе поговаривали, что бассейна спортивном комплексе переоборудован в обычную площадку и «Волки» готовятся теперь к чемпионату по гандболу, вспоминали даже анекдот про психов, которым обещали налить воду в бассейн, если будут хорошо себя вести. А несчастным спортсменам, похоже, и того не обещали: лица у них были понурые и блестящие от пота.

«Господи, куда же она так несется? – еще раз подумал Виктор. – Действительно, опаздывает на свидание».

Но когда перед ними открылась площадь, он оставил эти мысли. На площади было что-то не в порядке. Слишком много народу было на площади. День Независимости, понятно. Но как-то совсем не празднично гулял сегодня городской люд: все кучнились небольшими группками – старики отдельно, женщины отдельно, военные – отдельно. Большим красным пятном выделялись коммунисты. И серыми крысами шныряли президентские гвардейцы. Длинные черные фигуры полицейских маячили в специально отведенных для них местах, усиленно пытаясь убедить себя и окружающих, что все в порядке, все хорошо, пока они стоят на страже закона, хотя давно уже стало общеизвестно: сторожить в этом городе и нечего, и некому.

И вдруг Виктор понял, что было самым странным на центральной площади. Здесь совсем не было случайных людей: одиноких старушек, мамочек с колясками, веселых пьяниц, распевających патриотические песни, деловитых бизнесменов с дипломатами, работающих даже по выходным, зевак, пришедших поглазеть на демонстрацию и митинг, бедуинов, молчаливо бредущих сквозь толпу, празднующей молодежи, и совсем, совсем не было детей – этих вездесущих мальчишек и девчонок, удравших из дома несмотря на запреты родителей.

Виктор мог бы счесть себя единственным случайно пришедшим человеком, но это тоже было не так – ведь его привела Селена, спешащая точно к пяти часам.

Было уже без двух, когда со стороны набережной послышался приглушенный неясный шум, а затем в облаке пыли на площадь вступила колонна демонстрантов. Демонстрантов ли?

Все в одинаковой песочной форме цвета сафари, в панاماх, в высоких легких ботинках на пробковой подошве и с голыми руками. Оружие было только у лидеров, вышагивающих впереди, – пистолеты в кобурах и несколько автоматов. Они шли молча, без музыки, без флагов и транспарантов, не в ногу, но очень, очень стройными рядами.

Полицейские даже не шелохнулись. А собравшиеся на площади уступили колонне дорогу. Все, даже краснознаменные коммунисты, опасливо сместившиеся в угол. Гвардейцы же двигались вдоль колонны с обеих сторон, явно сопровождая ее, непонятно было только, охраняют ли они колонну от толпы или, наоборот, всех остальных людей – от демонстрантов.

Демонстранты... Это были дети. Ну, может быть, не совсем дети, правильнее было бы сказать, тинейджеры, но среди них точно не было никого старше двадцати, и Виктор готов был поклясться, что пареньку и девчужке, шагавшим с автоматами в руках по обе стороны от уже знакомого ему Фарима в первом ряду, не исполнилось еще и пятнадцати. На загорелых, свежих, совсем не потеющих в эту жару лицах была радость и уверенность в себе, они шли как победители, как хозяева этого города. Младшие ни в чем не отставали от старших, девчонки – от ребят. Дети-солдаты, нет – дети-офицеры, дети, облеченные знанием и властью.

Зрелище было ошарашивающе непривычным, диковатым даже, но – вот удивительно! – не страшным. Вспоминался почему-то не гитлерюгенд, а скаутский лагерь и массовые спортивные праздники времен его детства.

Виктор посмотрел на Селену. Она улыбалась. Губами – лишь чуть-чуть, едва заметно, а в глазах ее зеленым костром пылал настоящий восторг.

– Почему ты не с ними? – спросил Виктор, очень естественно перейдя на «ты». В тот момент он говорил ей «ты» не как женщине, а как ребенку, восторженному ребенку, любующемуся красивым праздничным шествием.

– Не знаю, – ответила она рассеянно, не оборачиваясь, а потом сверкнула глазами в его сторону и добавила: – У нас нет обязательки. А сегодня я просто хотела посмотреть на наших со стороны. Иногда это бывает очень важно.

Колонна уже целиком заполнила площадь и вдруг по едва слышному приказу с невероятной быстротой перестроилась в гигантское кольцо, в центре которого начала стремительно вырастать живая пирамида. Гвардейцы тоже быстро перестраивались в линию по кругу.

– Правда, здорово?! – выдохнула Селена, оглянувшись на Виктора всего на какое-то мгновение.

– Не знаю, – раздумчиво произнес Виктор в тон ее предыдущему ответу.

– Ты можешь мне, в конце концов, объяснить, что здесь происходит?

– Не сейчас, – почему-то шепотом ответила Селена.

Тысячи детских фигур цвета сафари застыли, словно окаменевшие, и все остальные на площади тоже настороженно замерли. Только раскаленный воздух дрожал над толпой, над домами, над высохшими деревьями. И если бы не струйки пота, противно стекающие по вискам и по спине Виктора, можно было бы решить, что это само время остановило свой бег.

На самой верхушке пирамиды в середине живого кольца Фарим вскинул вверх левую руку со сжатыми в кулак пальцами, и этот жест над абсолютной неподвижностью тысяч окаменевших тел показался криком в тишине. Все взоры на площади были сейчас прикованы к его поднятой руке. Стало как будто еще тише, если только это было возможно. И тогда Фарим закричал:

– Бедуины!!! Вы слышите меня, бедуины!

Никаких бедуинов вокруг не было, и Виктор подумал, что, видимо, кто-то из них сошел с ума: либо он сам, либо этот предводитель игрушечных солдатиков.

– Бедуины! – кричал юный вождь. – Ваше время кончилось! Теперь наступает наше время! Вам конец, бедуины! Наступает время новых людей! Время свободы и независимости!

И Виктор уже приготовился заскучать от привычного до оскомины потока фраз, с неизбежностью завершаемого здравицами типа «Слава свободному народу!» или «Слава господину президенту!», когда Фарим неожиданно оборвал свое помпезное выступление, выкрикнув напоследок совсем иные слова:

– Смерть бедуинам!

– Смерть бедуинам!!! – громовым эхом отозвался весь строй цвета сафари.

И в тот же миг пирамида рассыпалась, а кольцо, окружавшее ее, стало стремительно шириться, шириться, не теряя при этом своей идеально круглой формы. И в этой невозможной, немыслимой слаженности движений было что-то дьявольское, они действовали как машины

– не как люди, и они уже не шли по площади, а бежали, рассекая толпу, пронзая оцепление, легко перепрыгивая через железные ограждения, изящно огибая углы домов и припаркованные автомобили, прошивая насквозь дворы, переулки, сады с чахлыми деревьями, они бежали лучами, от центра к окраинам города, но не панически, спасаясь от кого-то (от кого им было спастись?) и не стремясь успеть куда-то (куда им было спешить?) – нет, они бежали грациозно, как чемпионы, совершающие круг почета, и яростно, как солдаты, поднявшиеся в атаку и уверенные в своей победе.

Очень скоро площадь опустела. И вот тогда Виктор увидел бедуинов. Он бы не поручился, что их там не было раньше, но увидел он их только теперь. Бедуины стояли на крышах всех домов вокруг площади, очень близко к краям, через равные, метра в три, промежутки друг от друга, стояли молчаливые, темно-синие и безоружные. Как всегда. Стояли и смотрели вниз на суетливо мельтешащие красные флаги, на испуганно вжавшихся в стены женщин и стариков, на неподвижных, невозмутимых, словно неживых полицейских, на гвардейцев, привычно вскинувших карабины, отступающих поближе к домам и глупо водящих стволами из стороны в сторону.

– Отсюда надо уходить, Виктор, – сказала Селена все тем же шепотом, то ли испуганным то ли восторженным. – Пора. Пойдемте!

– Куда? – поинтересовался он, впрочем совершенно с нею согласный, что отсюда в любом случае пора уходить.

– Ко мне на дачу, – шепнула Селена. – Я же хотела с вами поговорить. И в этот момент раздался первый выстрел. Очевидно, кто-то из гвардейцев все же не выдержал. Не дожидаясь второго выстрела и натиска очумевшей толпы, они кинулись вверх по переулку петляющим шагом. Виктор только еще успел оглянуться и заметить, что над крышами стало пусто, – ни одного бедуина, ни одного, только белое, выцветшее небо.

3

– Тебе не жарко? – спросил Виктор, когда они уже миновали пару кварталов и шли по совсем пустой улице в сторону вокзала. Сам он был очень мокрый и тяжело дышал.

– Жарко, – сказала Селена, – просто я тренированная, вот и не потею.

«Просто ты молодая», – подумал Виктор, но не сказал этого.

Зачем подчеркивать разницу в возрасте, тем более после всего, что они видели на площади? Он как-то совсем не хотел комментировать увиденное, заранее чувствуя, что у них будет слишком разное отношение к этим ребятам. И к бедуинам. И даже к коммунистам. Может быть, только к серым гвардейцам они относятся одинаково нежно. Но это уже не спасает дела. А ему хотелось сегодня чувствовать себя молодым и влюбленным, да он и был таким, и эта девчонка ему чертовски нравилась независимо от ее политических взглядов.

– Может быть, нам следует что-то купить по дороге? – поинтересовался Виктор. – Мороженого или фруктов. А «мартини» у меня с собой, в термосе.

– Но я же сказала, что пью сегодня только замороженный «дайкири».

– А ты его делаешь прямо у себя дома?

– Да. Имеется шейкер и все необходимое. Мороженое и фрукты тоже есть.

– Ладно, – смирился Виктор (он как-то не подумал, на какую именно дачу его пригласили), – тогда я тоже согласен пить исключительно «дайкири». А мы что, поедем на поезде?

Они пересекали вокзальную площадь, посреди которой торчал бэтээр в маскировочной пустынной раскраске и два измученных жарой десантника лениво опирались на автоматы рядом с броней.

– На электричке, – поправила Селена. – Три остановки. Просто мой «ситроен» остался в гараже, потому что меня привезли в город. А обратно я вас подброшу.

– Давненько я не ездил на электричках, – сообщил Виктор. – А что, они еще функционируют?

– Не знаю, я тоже очень редко на них езжу. Заодно и посмотрим. Электрички функционировали. Впрочем, из четырех выжженных солнцем перронов лишь один проявлял признаки жизни: вдоль него к шестивагонному составчику, объявленному к отправлению через восемь минут, подтягивались немногочисленные пассажиры.

Вагон, в который вошли Селена и Виктор, был практически пуст, только с одной стороны, прислонившись к стеклу, сидел бедуин. Кисти рук его были спрятаны в рукава, ступней не было видно под сиденьем, а капюшон, надвинутый на глаза, практически закрывал лицо. Из синего бурнуса торчала лишь курчавая черная борода.

Селена ничего не сказала, и Виктор решил промолчать, лишь слегка покосился в сторону девушки. А бедуин как бы и не заметил их, может быть, действительно дремал.

С трудом найдя скамейку с непорезанным сиденьем, Виктор пропустил Селену к окну и сел сам, выбирая тему для светской железнодорожной беседы. Ситуация была для него несколько нестандартной, но в следующую секунду она стала еще нестандартней.

В вагон с решительностью линейного патруля вошли шесть или семь мальчишек в сафари, очевидно только что вернувшихся с площади, и сразу обступили бедуина. Бедуин поднял глаза черные, как маслины, и, выбрав, по своему разумению, старшего среди юнцов, принялся его изучать усталым, спокойным взглядом.

Заговорил другой, причем заговорил громко, как Фарим на митинге:

– Уважаемый господин, вы должны покинуть муниципальный транспорт! Немедленно!

Виктор уже почувствовал, как у него зачесались кулаки, но на всякий случай полюбопытствовал, наклонившись к ушку Селены:

– Мы с тобой что, сели в вагон «только для белых»? У нас уже появились такие?

– Да нет, – слегка раздраженно и быстро принялась объяснять Селена, – у нас муниципальный транспорт бесплатный, городские власти еще с начала прошлого года установили специальный транспортный налог, а бедуины, как известно, никаких налогов не платят, ну, поэтому им и не полагается пользоваться трамваями, автобусами и электричками.

– Вот как? А еще кому? Детям, инвалидам, многодетным матерям, рэкетирам, торговцам, работающим «в черную»? Кто там у нас еще не платит налогов? Может быть, писателям, издающимся за границей?

– Успокойтесь, Виктор! Я же не сказала, что сама считаю точно так же.

– Ну уж нет! – Виктор поднялся. – Пусть лучше эти твои друзья успокоятся.

А друзья совсем не собирались успокаиваться. Поскольку бедуин упрямо и в общем-то вызывающе молчал (Виктору даже показалось, что он разглядел в густой черной бороде легкую, едва заметную улыбку), молодежь заводилась все сильнее.

Первый уже кричал:

– Нет, вы покинете этот вагон! Я сказал! Вам остается одна минута, уважаемый, чтобы добровольно выйти отсюда!

(Слово «уважаемый» произносилось, конечно, с недвусмысленной интонацией.)

Двое других не слишком внятно за криками первого бормотали что-то вроде: «Убирайтесь в свой Лагерь! Ишь, расходились по городу, как по пустыне! Мы вас, душманов, научим, как себя вести!»

В общем было ясно, что осталась действительно минута. И даже минуты уже не осталось, потому что один из мальцов придвинулся к бедуину вплотную.

– Не надо, не вмешивайся, – шептала Селена, от испуга, наверное, перейдя на «ты», – с ними так нельзя, ты же просто не понимаешь!

Но он не слышал ее.

«Подонки, – думал Виктор. – Шестеро на одного больного человека. Подонки».

Они его не замечали, и он подошел совсем близко и громким командным окриком перекрыл их ломающиеся от полового созревания голоса:

– Смирна-а-а!

И уже чуть тише, но так же твердо:

– Оставьте в покое этого человека.

Обычной в подобных случаях реакции – бега врассыпную, или нагло-трусливого отступления с оскорбительными выкриками, с попытками сделать хорошую мину при плохой игре, или, наконец, делегирования одного, самого крепкого и смелого для решающего поединка с незнакомым врагом – ничего этого Виктору наблюдать не пришлось. Реакция была совершенно неожиданной.

Двое молниеносно схватили его за руки жестким хватом профессиональных полицейских, а остальные мгновенно, похоже просто инстинктивно, приняли боевые стойки, обменялись молчаливыми сигналами и приготовились к любым неожиданностям.

Это были не дети. Это были настоящие командос, вышколенные где-нибудь в Лэнгли или в «Мидраше» под Тель-Авивом.

Трудно сказать, что могло бы произойти дальше. Виктор так и не узнал этого. Из-за спины раздался звонкий голос Селены:

– Ребята, спокойно! Это писатель Банев, он со мной. Простите, мы просто немного выпили. Я задремала, а господин Банев... чуточку излишне понервничал.

Хватка ослабла, и Виктор позволил себе обернуться. Селена была по-военному подтянута, несмотря на свой легкомысленный наряд, смотрела строго, как начальница, что, кстати, совершенно не портило ее, а в левой руке держала развернутую желтую книжечку.

Ах, какими же всеильными были у нас всегда эти книжечки! Были и остаются. И на этих малолетних янычаров тоже подействовали не волшебные чары Селены, а ее желтая книжечка. Аусвайс.

Они уже не держали Виктора. А бедуин вновь спокойно прислонился к окну.

– Этот тоже с вами? – как бы не совсем всерьез поинтересовался старший в группе.

– Да, – решительно ответила Селена. – Мы его сопровождаем.

– Тогда и сидите рядом, – буркнул старший из младших.

– А уж это, ребята, я сделаю так, как сочту нужным. Договорились? Старший понимающе улыбнулся и скомандовал своей банде на выход. Они едва успели выскочить, когда двери с шипением закрылись и старый раздолбанный состав, скрипя и пошатываясь, тронулся вон из города.

– Что ты им показала? – спросил Виктор спустя минут пять, когда дар речи наконец вернулся к нему. – Удостоверение дочери губернатора?

– Нет. – Она не приняла шутки. – Я – член Президиума Совета ветеранов Последней войны.

– Так ты что же, воевала?

Слова вырвались произвольно, и Виктор сразу почувствовал искусственность этого почти риторического вопроса.

– Да, – ответила Селена.

И они еще минут пять молчали.

Боже, думал Виктор, что же происходит в этом безумном мире? Дети воют, взрослые пьют и развлекаются, солдаты охраняют город в мирное время, полиция не замечает происходящего вокруг, а тайная полиция, одевшись в форму, выходит на улицы с откровенностью паяцев и музыкантов. Очевидно, мир сошел с ума.

– Сколько тебе лет? – спросил Виктор.

– Двадцать, – сказала она, но он был не уверен, что услышал правду.

– Мы действительно сопровождаем этого бедуина?

– Нет.

– Тогда почему ты вступилась за него?

– Я думала, тебе это будет приятно. Ничего, что я так сразу перешла на «ты»?

– Нормально.

– Просто, когда говоришь «вы», возникает какая-то дурацкая дистанция, словно общаешься с командиром части. А я всем, вплоть до комбатов, привыкла говорить «ты».

– Тогда со мной можешь чувствовать себя спокойно, – сказал Виктор. – Я был всего лишь командиром отделения.

Через десять минут они сошли на пустую полурассыпавшуюся платформу и, дойдя до разрыва в покосившемся ржавом заборчике возле единственной на весь полустанок запыленной надписи «ПЕРЕПЕЛКИН ЛЕС», свернули по деревянным сходням в колючие придорожные заросли боярышника. За ними начиналась знаменитая, некогда красивая и тенистая дубовая роща.

Теперь деревья уже не справлялись с затянувшейся засухой. Подлесок практически вымер, трава стала бледно-желтой и мертвой, какой она бывала раньше разве что в ноябре да в середине марта. Нижние ветки даже у самых могучих дубов, вязов и елей постепенно отсыхали и падали. Странно было вспомнить, что когда-то в лес ходили за грибами и ягодами. В этот лес можно было ходить только за дровами. А кое-где дрова начинали гореть, не дожидаясь перемещения в печку. Черные пятна выжженной пожарищами земли попадались по пути несколько раз. Впрочем, по размеру пятен было видно, что на тушение лесных пожаров в эти места выезжают оперативно. Ближайшие пригороды вроде поселка Перепелкин Лес входили в так называемую санитарную зону вокруг губернского центра, но дело было, конечно, не в

этом, а в расположенных здесь дачах, точнее сказать виллах ответственных работников, в том числе и из столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.